

Волкова Е.В.

Гончарное дело в Поморье

Гончарные промыслы прилегающих к Поморью земель

По берегам Белого моря не выявлено крупных центров горшечного производства. Гончарные промыслы были более масштабными и развитыми на внутренних, собственно крестьянских территориях прилегающих к Поморью земель.

Поморы же говорили: «Море — наше поле». Много времени и сил отдавали рыболовному, зверобойному промыслам и связанному с ними судостроению, что не способствовало развитию других трудоёмких ремёсел. По роду своих занятий поморы часто путешествовали, сами торговали и приобретали необходимые предметы в Архангельске, Онеге, в Соловецком монастыре, на разнообразных ярмарках и даже в «Норвеге». Доставляли глиняную посуду в поморские деревни также купцы и сами гончары. По данным экспедиций Соловецкого музея, керамику привозили из Архангельска (Двинской промысел), Пинеги, Мезени (Тимощелье), Онеги (Вонгуда), Каргополя, Карелии.

Зимой горшки приходили в санных обозах, в навигацию — на больших широких лодках, «чугах». Расплачивались за посуду не только деньгами, зерном, а и «по-поморски» — рыбой и даже солью.

Ближайшим к окраинному береговому Поморью гончарным центром и, соответственно, основным поставщиком посуды была деревня Вонгуда, расположенная на одноимённой притоке недалеко от устья реки Онеги. По воспоминаниям старожилов, в начале XX века здесь было около 320 дворов. Ассортимент изделий — традиционный: кринки, горшки, роговики, ладки, масленики, банки... Среди разнообразных изделий вонгужан особенно впечатляют монументальные кубы для парки белья, украшенные лаконичным гончарным орнаментом из прямых и волнистых линий. Посуду свою вонгужане обычно покрывали свинцовой глазурью. Местные жители вспоминают также вонгудские «цветочки» и чашки с вырезанным в тесте изделия годом изготовления¹. Последними горшечниками в этом промысле были братья Кашины. Самый искусный из них — Александр Андреевич. Гончарили также Никита Андреевич и Пётр Андреевич Кашины; Николай и Ефим Кедрины, Никифор Чубаров, Фёдор Климентьевич Кашин,² Михаил Збруин.³ Гончары из Вонгуды славились своим мастерством по всему Онежскому краю, приходили они и на Онежский берег Поморья и даже обучали местных жителей.⁴

Гончары поморских селений

В некоторых поморских деревнях гончарство бытовало как домашнее ремесло или как подсобный промысел. Поморы, владевшие технологией гончарного дела, со своей семьёй работали по заказу односельчан и жителей ближайших деревень. Благодаря экспедициям Соловецкого музея-заповедника были выявлены имена некоторых мастеров, работавших в поморских селениях в первой половине XX века.

В д. Пурнема в 1914-1916 гг. работал приезжий гончар, в 1919-1920 гг. трудился гончар из Вонгуды Михаил. С 1938 г. до 1940-х годов гончарным делом в деревне занимался Гаврила Иванович Родионов (1885-1952 гг.), уроженец д. Пурнема. Использовал ручной круг. Посуду обрабатывал свинцом. Изготавливал кринки, кувшины, кубы, горшки, тазы для теста, латки с крышками. Обжигал сначала в горне под горой, у речки и в амбаре, потом, когда горн сломался — в домашней печке. Обменивал посуду на продукты, «кто что даст», снабжал и соседние деревни: Лямцу, Пурнему, Нижмозеро.⁵ Илья Львович Родионов (1906 г.р.) делал чёрную

посуду. Дмитрий Арсентьевич Кузьмин (1900 г.р.), ученик Гаврилы Ивановича, работал также на ручном круге, изготавливал, кроме обычной печной посуды, чайники с «накровами» (крышками), обжигал в русской печи дома. Умер до войны, когда ему было 73 года⁶.

В д. Нименьга гончарным делом занималась семья Семёна Манзирева, в д. Сюзьма – Михаил Дмитриевич Скребцов, который работал и на ручном, и на ножном круге⁷.

В д. Тамица горшечник Андрей Иванович Кабиков «выделывал кринки и горшки, тазы, кубы, латки (ладки), шаратухи, «чашки» пообрядней кринки, с «лепестками по краю». Глину намывал «таку гладеньку», жена тут же мяла её. Работал на ножном круге, да «мокрой тряпочкой выделывал». «На вертушке крутит да поляпывает, да в печку бросит», – рассказывали односельчане. Узор наносил острой палочкой – прямые и волнистые линии. Покрывал изделия свинцовой глазурью, добавлял окись марганца.⁸

В д. Кянда гончарили братья Ивановы: Сергей Павлович жил на хуторе, в 5 км от д. Кянда, возле Белого озера. Делал чёрные горшки. Николай Павлович был учеником вонгудских мастеров, гончарил до колхоза, т.е. до 1929 г. Сделал специальную печь для обжига, обливал посуду свинцом. Продукцию свою вывозил даже в г. Онегу. Сын его Пронька тоже делал кринки.⁹

Близ д. Пушлахта, на хуторе у оз. Ильино, до колхозов «лепил посуду» Прокопий Родионович Агафонов. «Сыновья помогали ему делать глиняную посуду».¹⁰ Умер до войны в возрасте 70-ти лет.¹¹

В д. Лямца ещё до революции работал гончар Кузя, которого долго помнили в деревне.¹²

После возникновения колхозов на Севере гончарные промыслы почти повсеместно прекратились. Советская власть смотрела на гончаров как на частных собственников, как на «чуждый и враждебный элемент». Кроме того, крестьяне были задавлены многочисленными государственными повинностями. Потомственный сомовский гончар А.И. Житнухин рассказывал: «А как стали колхозы создавать, начались лесозаготовки и хлебопашество, надо было на государство работать, и всё прекратилось».¹³ За скучными строчками экспедиционных отчётов – расколотые судьбы людей, трагическая история нашего отечества. Об известном на всю округу Андрее-горшечнике из д. Тамица говорится: «Прекратил заниматься гончарством в 1930 г., когда был устроен колхоз. Сделал сам судно — «ёлу» и уехал в Мурманск промыслять рыбу».¹⁴ В советское время на месте его дома была устроена колхозная конюшня.¹⁵ Мастер из Кянды, Николай Павлович Иванов, после организации колхоза «пошёл работать на мельницу и вскоре умер». Семья Ивановых покинула дом и уехала в г. Онегу.¹⁶ «Так, сказал бедняк, хорош колхоз! А сам заплакал...».¹⁷

В период войны, когда посуды не хватало, во многих деревнях гончарный промысел ненадолго возродился. Но своих мастеров уже не было. В деревне Пурнема, например, трудился гончаром переселенец из Горького – Вепрев;¹⁸ в д. Кянда – приехавшая из Кировской области Федосья Ивановна Сулова (Шемякина) (1916 г.р.). Рыбкооп организовал гончарную мастерскую, где Сулова проработала с 1944 по 1948 гг.¹⁹

Как работали

Гончары работали обычно на дому, в нижней или боковой избе, пользовались чаще традиционным ручным кругом. Некоторые мастера, владеющие техникой вытягивания, имели ножной круг. Иногда у гончара было два круга для разных работ: для вытягивания небольших

изделий – ножной круг, а для формования крупных предметов методом налёпа – ручной. Изделия украшали гравировкой на круге. Некоторые гончары для обработки черепка использовали древний приём мучной обварки, сочетавшийся с обжигом в домашней печи. Для производства же «политой» (т.е. глазурованной) керамики обычно пользовались специальной печью – горном. Полива готовилась на основе свинца, для цветности и декоративного эффекта добавлялась окалина железа, меди, марганца.

Потомственный мастер из Мезени (д. Тимощелье) Афанасий Егорович Лочехин так рассказывал о своём деле: «Работали мы зимой. Глину брали по первому морозцу на высоких полях, что у деревни. Дома в корытах разомнём её, с песком смешаем. Сделается она как тесто, тогда и на круг можно класть, тут-то и начинаешь выделывать, что надо. После – на полати или в печь – сушить. Как высохнет, посудыны смолой обмазываем, потом свинец расплавишь, он как песок становится, им стенки и обсыпаем, а ещё, бывало, набросаешь тёртую медь, из-за неё пестро получается – смотреть любо. Обжигать возили за деревню – там печи были. Вынешь оттуда – стенки у посудыны полудой покрытые, гладкие: ничего к ним не пристанет, ничего не запахнет».²⁰

Ассортимент гончарных изделий и их бытование

Ассортимент гончарных изделий Поморья был вполне традиционным и, в силу схожести бытового уклада, мало чем отличался от других районов Русского Севера. Однако некоторые отличия и особенности есть. Например, в Поморье кринка ниже и приземистее, чем в более южных и даже Вологодских землях. В кринках остужали, хранили, сквашивали, парили, томили молоко. После печи молоко становилось кремовым, «с золотистой корочкой и звёздочками масла». Кринки использовали и как столовую посуду, «ели из них ложками молоко с крошенным хлебом». У каждой хозяйки было несколько десятков кринков в зависимости от количества скотины. После использования сосуд обязательно прожаривали в печи. Самые употребительные кринки – около литра, но были и покрупнее. «Чашка» – это обычно посуда, похожая по форме на поморскую кринку, но не обязательно связанная с молоком. Посуду не смешивали между собой. «Всякое блюдо свой горшок знает!» Из одной «чашки» ели всей семьёй суп, уху. Незаменимым тружеником в крестьянском хозяйстве был горшок, который использовался для приготовления разнообразных каш и похлёбок. Сосуд, похожий по форме на горшок, но более монументальный и объёмный, в Поморье называли кубом. Он использовался для пропаривания белья в печи. Крышек у кубов не было. Чтобы бельё не поднималось в процессе кипячения, в куб вкладывали деревянные палочки.²¹ Масло сливочное взбивали в больших мисках — «шаратухах».²² В роговиках масло топили. «Масло в роговике перегреют, да перельют в чистое блюдо. Этим рожком и льют. Рекшу (осадок) снимут, а маслице отдельно». Масло сливали обычно в глиняные тазы или кринки, где и хранили. Готовили в роговиках и творог. «Творог в роговик положат и в паханную печь, потом мама разоскёт его мутовкой – ни одной крупиночки нет. Воду сольют, он потом застынет, – так и ели, вкусный был».²³ Для повседневного обихода использовали небольшие масленики.

В Поморье, более чем в других местах, была распространена ладка (латка) долгая – это особая посуда удлинённой формы, предназначенная для приготовления рыбы. Форма её напоминает ладью, лодку и идеально подходит под рыбу. Готовили её обычно, заливая водой или молоком. «В ладках рыба вкуснее, чем со сковороды, не обсыхает». «В ладке сок рыбий не выпреет, при рыбе останется».²⁴ «Морем живём, им кормимся», – говорили поморы. Потому и гончары здесь трудились для промысла, изготавливая не только посуду, но и рыболовные грузила. Гончар из Кянды Ф.И. Суслова об этом деле рассказывала так: «Раскатаешь полосу, разрежешь кусочками, обтяпаешь немного, проткнёшь палкой, да и всё». Лепила Федосья Ивановна их «возами».

В наше время гончарный промысел здесь совершенно забыт и глиняная утварь почти ушла из поморского быта. Но как говорил наш современник, гончар Сергей Александрович Лопатенко, «на старые вещи крестьянского мира хочется смотреть и смотреть. На них отдыхают глаза и душа». Коллекция народной керамики Поморья из фондов Соловецкого музея-заповедника представляет достойные образцы изделий поморских гончаров. Они органично сочетают в себе функциональность и красоту, глубокое понимание природы материала, строгость и чистоту форм, лаконичный декор и минимальное количество деталей. Цветовая гамма поморской посуды сродни палитре самой природы этого сурового края: цвету земли, камня и дерева. Каким-то непостижимым образом народная культура жива и глиняные горшки дышат, потому что в них «вложена душа». А наша душа отзывается, ведь скроена она тем же Мастером...

¹ НА СГИАПМЗ. Ф.2. Оп.1. Д.72. Отчёт экспедиции в Онежский р-н Архангельской обл. 1980. С.46.

² НА СГИАПМЗ. Ф.2. Оп.1. Д.69. Отчёт экспедиции в Онежский р-н Архангельской обл. 1977. С.26.

³ НА СГИАПМЗ. Ф.2. Оп.1. Д.124. Дневник экспедиции в Онежский р-н Архангельской обл. 1977. С.35.

⁴ НА СГИАПМЗ. Ф.2. Оп.1. Д. 72. Отчёт экспедиции в Онежский р-н Архангельской обл. 1980. С.48.

⁵ НА СГИАПМЗ. Ф.2. Оп.1. Д. 144. Дневник экспедиции в Онежский и Приморский районы Архангельской обл. 1981. С.51.

⁶ НА СГИАПМЗ. Ф.2. Оп.1. Д. 144. Дневник экспедиции в Онежский и Приморский р-ны Архангельской обл. 1981. С.52.

⁷ НА СГИАПМЗ. Ф.2. Оп.1. Д.168. Дневник экспедиции в Онежский р-н Архангельской обл. 1984. С.37.

⁸ НА СГИАПМЗ. Ф.2. Оп.1. Д. 142. Полевая тетрадь экспедиции в Онежский р-н Архангельской обл. 1980. С.47.

⁹ НА СГИАПМЗ. Ф.2. Оп.1. Д. 142. Полевая тетрадь экспедиции в Онежский р-н Архангельской обл. 1980. С.48.

¹⁰ НА СГИАПМЗ. Ф.2. Оп.1. Д. 179. Дневник экспедиции в Приморский р-н Архангельской обл. (д. Пушлахта). 1985. С.12.

¹¹ НА СГИАПМЗ. Ф.2. Оп.1. Д. 144. Дневник экспедиции в Онежский и Приморский р-ны Архангельской обл. 1981. С.53.

¹² НА СГИАПМЗ. Ф.2. Оп.1. Д. 144. Дневник экспедиции в Онежский и Приморский р-ны Архангельской обл. 1981. С.53.

¹³ Н.А. Филёва. Рассказывают мастера. Архангельск. 2014. С.161.

¹⁴ НА СГИАПМЗ. Ф.2. Оп.1. Д. 72. Отчёт экспедиции в Онежский р-н Архангельской обл. 1980. С.47.

¹⁵ НА СГИАПМЗ. Ф.2. Оп.1. Д. 142. Полевая тетрадь экспедиции в Онежский р-н Архангельской обл. 1980. С.41.

¹⁶ НА СГИАПМЗ. Ф.2. Оп.1. Д. 72. Отчёт экспедиции в Онежский р-н Архангельской обл. 1980. С. 49.

¹⁷ Н.А. Филёва. Рассказывают мастера. Архангельск. 2014. С.162.

¹⁸ НА СГИАПМЗ. Ф.2. Оп.1. Д. 144. Дневник экспедиции в Онежский и Приморский р-ны Архангельской обл. 1981. С.53.

¹⁹ НА СГИАПМЗ. Ф.2. Оп.1. Д. 142. Полевая тетрадь экспедиции в Онежский р-н Архангельской обл. 1980. С.49-54.

²⁰ М.И. Мильчик. По берегам Пинеги и Мезени. М. 1971. С.99-100.

²¹ НА СГИАПМЗ. Ф.2. Оп.1. Д. 144. Дневник экспедиции в Онежский и Приморский р-ны Архангельской обл. 1981. С.54.

²² НА СГИАПМЗ. Ф.2. Оп.1. Д. 142. Полевая тетрадь экспедиции в Онежский р-н Архангельской обл. 1980. С.38.

²³ Не век жить – век вспоминать. Народная культура Поонежья и Онежского Поморья. Онега-Архангельск-Москва. 2006. С.96.

²⁴ К.П. Гемп. Сказ о Беломорье. Москва-Архангельск. 2004. С.457.